

О ЗАПРЕЩЕНИИ ОПЕРЫ-ВОДЕВИЛЯ "КАЗАК-СТИХОТВОРЕЦ":

ПИСЬМО А. А. ШАХОВСКОГО А. С. ШИШКОВУ

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

Оригинал здесь -- <http://www.ruthenia.ru/document/543693.html>

Сценическая история оперы-водевиля князя Шаховского "Казак-стихотворец" всегда описывалась исследователями в совершенно радужных тонах¹, на что были вполне веские основания. Хвалебные рецензии на пьесу², трехкратное переиздание еще при жизни автора³, восторженные воспоминания современников и, наконец, количество представлений, которые она выдержала, говорят об огромном и неизменном успехе "Казака-стихотворца" у публики⁴. Тем более неожиданным кажется обнаруженное нами в архиве Санкт-Петербургского филиала архива РАН письмо Шаховского к Шишкову, в котором речь идет о негласном запрещении весной 1812 г. публичного представления оперы-водевиля.

Эту ситуацию можно было бы назвать исключительной, если бы мы располагали описаниями цензурных перипетий других пьес драматурга⁵. Однако до сих пор неизвестно, имел ли Шаховской какие-либо конфликты с цензорами, получал ли выговоры, приходилось ли ему снимать со сцены уже идущие пьесы. На первый взгляд, может даже сложиться впечатление, будто бы драматург вообще не сталкивался с подобными проблемами за свою 40-летнюю авторскую карьеру: в сохранившихся цензурированных рукописях его пьес (режиссерских и суфлерских) практически нет цензорских исправлений⁶. Однако история с временным запрещением такой донельзя верноподданнической пьесы, как "Казак-стихотворец", требует заново поставить вопросы о характере и контексте самой оперы-водевиля, а также о реальных механизмах функционирования театральной цензуры в России при Александре I⁷.

Нижеприводимый текст письма даем с полным сохранением авторской пунктуации и в орфографии, максимально приближенной к оригиналу⁸.

Милостивый Государь!
Александр Семенович.

Быв уверен в благорасположении вашего Превосходительства ко мне, я беру смелость занять вам несколько минут прочтением сего письма: вот в чем дело: Я написал оперу Козак Стихотворец⁹; об которой я имел честь вам говорить: ее играли у Александра Львовича¹⁰ Государыня Императрица услышала что она и воспитанники представлявшие ее; сделали большое удовольствие¹¹, пожелала ее видеть и она была представлена во дворце¹²; но Сергей Кузьмич¹³ остановил представление ее в Публике¹⁴, не запрещая однако совсем: ибо по его же словам в ней нет ничего противного по нравственности, и правилам Цензуры, <нрзб> проклятое имя Мазепы упомянутое в опере все начудесило¹⁵; хотя опера писана еще в прошлом годе; но у страха глаза велики и он видит часто то чего и нет¹⁶.

Не авторское самолюбие терзает меня; но честь и доброе мое и доброе мое <sic!> имя подвергается злословию, принуждают меня прибегнуть к вам. Вы сами всегда умели хранить честь и доброе имя, и знаете сколь они должны быть безценны каждому. Вам известно что я имею неприятелей, хотя божусь сам никому не <нрзб> причинил: но быв всегда в войне с самолюбием и глупостью пожнал не <мало> врагов и опасных¹⁷: Ети не преминули чуть воспользоваться запрещением моей пиесы распустить слухи что она наполнена, развратными мыслями <а как>.... <sic!> что злоба вымышляет то леньность слушает, а глупость разглашает. То и найдутся люди которые прибавя к слышанному словца два и раскрасят чужой рассказ своею выдумкою: пожалуйте меня в злодеи губители¹⁸ и бог знает во что: Вы меня знаете¹⁹; и не погрешая против совести своей можете защитить меня против клеветы. Александр Львович послал пиесу к Александру Дмитриевичу Балашову²⁰. Возьмите ее у него извольте прочесть и ежели вы хоть я уверен не найдете ее противной чистой нравственности ежели можно способствуйте к предупреждению злословия. Приблизя вас к престолу Царскому бог пролил надежду в души всех честных людей²¹; и я с той поры не смотря на все горести ежеминутно переживаемые мною гораздо покойней в [душе] деле моей. Я не напоминаю Вашему Превосходительству о моем Суссанине²². Вы тем <явите> отечественные добродетели, что не забудете Рускаго Крестьянина²³. Вы удостоили не раз заниматься